

Заголовок: [Сенсация! Староста и переведенец второго-третьего класса открыто демонстрируют чувства!]

Комментарии:

[#2: Стоял ошарашенным, ушёл ошарашенным.]

[#10: Каждый пост, связанный с моим мужем, непременно привлекает внимание.]

[#24: Итак, что там у автора поста? Если бы у меня были деньги, я бы оплатила услуги полноценного писателя!]

[#45: Пришёл, пришёл, только что делал домашнее задание, и вот они, оказывается, открыто выясняют отношения прямо у дверей класса!]

[#50: Я помню, переведенец — омега? Что за ерунда?]

[#60: Что??? Перестаньте сочинять неправду! Шэнь Хуайчжи — муж каждой омеги нашего класса!]

[#65: Что за пердеж, это мой муж! PS: Я учусь в третьем классе, утверждаю, что они раньше не были знакомы. Меня убивает, как сегодня переведенец высмеял одного местного выскочку, а затем пожаловался старосте, и тот согласился! Согласился!! Я кислее лимона!]

[Пользователь #70: ...Мать честная, внезапно почувствовал странное чувство?]

[Пользователь #100: А что дальше?]

***

После того, как Шэнь Хуайчжи произнес слово «можно», в классе повисла странная пауза, даже сам Цзян Хэн был удивлен, не ожидая такого быстрого согласия.

И правда — альфы любят нежных маленьких омег.

Цзян Хэн решил удалить Хэ Цзы из списка заблокированных контактов.

Давно накопившееся напряжение в его глазах моментально рассеялось, а улыбка стала шире вдвое, миловидная маска мгновенно исчезла.

Шэнь Хуайчжи мельком взглянул на него, признавая, что такой образ был предпочтительнее. Он уверенно прошёл мимо Цзян Хэна. Задняя дверь была узковата для двух больших мальчиков, но Цзян Хэн по-прежнему стоял, не собираясь покидать место.

Их плечи соприкоснулись на пару секунд.

Запах феромонов омеги снова устремился в нос, хотя и слабее, чем вчера, но всё же — очень приятный.

Осознав, о чём думает, веки Шэнь Хуайчжи дрогнули. Он, безусловно, сошёл с ума, соглашаясь с предложением Цзян Хэна.

После того, как староста прошел мимо, Цзян Хэн последовал за Шэнь Хуайчжи в класс, сердечно выражая благодарность:

— Спасибо, староста, за справедливость.

Проговаривая это, он посмотрел поверх головы Шэнь Хуайчжи на Чжэн Ци улыбкой на губах, а его глаза были полны провокации. От недавнего образа жертвы не осталось и следа.

Чжэн Ци кипел от негодования, но, в отличие от Цзян Хэна, в присутствии такого альфы, как Шэнь Хуайчжи, он не осмеливался предпринимать шаги. Все знают, что староста обычно не проявляет сильного гнева. Лишь однажды они видели его разгневанным, и последствия оказались тяжелейшими.

Последствия гнева высшего альфы - это не то, с чем обычные беты могут справиться.

Судя по нынешней сцене, Чжэн Ци сильно сомневался, что Цзян Хэн и Шэнь Хуайчжи раньше не были знакомы. Староста раньше не ввязывался в мелкие дела.

Услышав это, Шэнь Хуайчжи замялся, складывая рюкзак, и спустя несколько секунд, холодно произнёс:

— Сейчас придёт преподаватель, я доложу.

Цзян Хэн:

— ...?

Чжэн Ци:

— ... — оказывается, он переоценил. Староста остаётся объективным и честным и никогда не использует власть для личной выгоды.

***

Первая урок ещё не начался, когда Цзян Хэна вызвали в учительскую. Но не из-за конфликта с Чжэн Ци утром — преподаватели не занимаются разбором мелочей, без физического столкновения не о чем судить.

Старший учитель Ван Юн, мужчина средних лет в очках, в прошлый раз, когда Цзян Хэн вернулся из интернет-клуба, уже читал ему мораль.

Старший учитель Ван Юн:

— Напишите тысячу знаков самокритики по поводу вчерашнего пропуска занятий. Неважно, как вы жили в другом городе. Но перейдя в нашу школу №1 города Цзиньчэн, обязаны соблюдать школьные правила. Вчера Шэнь Хуайчжи уже предупреждал вас, что после трех прогулов ставится неудовлетворительная оценка.

Цзян Хэн, едва приоткрыв глаза, невнятно промычал пару раз — и ни малейшей попытки выпрямиться или принять достойную позу: его осанка была полностью расслабленной, почти небрежной. Он давно привык к таким моральным увещаниям, но услышав имя Шэнь Хуайчжи, слегка поднял глаза.

Как обычно поступил правильно.

Он почувствовал, что его потенциальный супруг слишком щепетилен и привержен порядку.

Старший учитель Ван Юн продолжил перечислять школьные правила, но Цзян Хэн не запомнил ни единого слова.

Закончив чтение морали, старший учитель Ван Юн тяжело вздохнул:

— Я учился вместе с вашим отцом.

Пальцы Цзян Хэна, спрятанные в карманы брюк, шевельнулись, он равнодушно взглянул на учителя.

Других учителей в кабинете не было.

Ван Юн продолжил:

— Если у вас возникают проблемы со здоровьем, можете брать отгул, но не пропускайте занятия... Ваш отец объяснил мне вашу ситуацию, и учителя понимают ваши трудности.

Его лицо отразило сочувствие.

Старший учитель Ван Юн был бетой. Он не испытывал предвзятого отношения к полу, а просто сопереживал сложной ситуации Цзян Хэна.

Цзян Хэн приподнял веки.

С момента появления проблемы после дифференциации все знающие люди смотрели на него с сожалением, думая, что он несчастен. В больнице, просыпаясь, он слышал, как медсестра назвала его трагической жертвой судьбы, омегой, неспособным распознавать феромоны, страдающим от тяжелых периодов восприимчивости, это было ужасно.

Цзян Хэн не хотел этого отрицать. Он был просто великолепен, поэтому они хвалили его.

Иногда это казалось забавным.

Он мог бегать, прыгать, драться, единственное ограничение — необходимость большего количества инъекций ингибиторов, и, кажется, ему приходилось справляться лучше, чем большинству омег. Он не чувствовал себя жалким, но люди вокруг упорно считали необходимым относиться к нему с состраданием, будто выполняя миссию спасения.

Цзян Хэн усмехнулся и спросил:

— Учитель, могу ли я взять отгул? Мне кажется, здесь воздух не очень подходящий для меня... Может, вы сможете связаться с моим отцом и оформить мою заявку на перевод обратно в старую школу?

Цзян Хэн был изгнан из кабинета с наказанием в виде сочинения объёмом в две тысячи символов. Преступление — сопротивление учителю, Цзян Хэна это не трогало.

Выходя из кабинета, Цзян Хэн криво улыбнулся.

Черт, всё равно неприятно, и даже снова захотелось прогулять урок.

Автоматически он потянулся к карману, но с момента дифференциации Се Юнь запретила курить — это вредно для здоровья. Цзян Хэн дорожил жизнью, курил мало, и без особых трудностей отказался от привычки.

Но сейчас ему было неприятно.

Некоторое время постояв у двери, он развернулся и обнаружил, что рядом со стеной выросли две огромные ноги.

Шэнь Хуайчжи, казалось, тоже стоял некоторое время у стены, не глядя на Цзян Хэна, держа в руках что-то похожее на каталог, с идеальной осанкой.

Цзян Хэн сдержал эмоции.

Он не знал, насколько хороша звукоизоляция кабинета, и услышал ли его будущий супруг что-нибудь. Он чуть приподнял губы, но уже через несколько секунд вернул обычное выражение лица, улыбка на губах была еле заметной:

— Староста, ты пришел писать заявление?

Шэнь Хуайчжи:

— ?

Цзян Хэн слегка приподнял подбородок, глядя на него, улыбка была тонкой, взгляд тусклым.

Шэнь Хуайчжи слегка согнул пальцы.

— Нет.

Цзян Хэн вздохнул, чувствуя, что в этот момент у него немного понизилось давление. Сочтя, что сейчас не лучшее время для общения, он не намеревался больше разговаривать.

Шэнь Хуайчжи сделал шаг вперед, прошел мимо Цзян Хэна, достигнув двери кабинета, и неожиданно остановился.

Цзян Хэн уже собирался возвращаться в класс, решив не прогуливать занятия. В противном случае он не увидел бы прекрасное лицо своего будущего супруга и страдал бы от любви.

Красота способна вводить в заблуждение.

Цзян Хэн сконцентрировался.

— Ты хочешь записаться на спортивные соревнования?

У Шэнь Хуайчжи в руках была анкета участников соревнований, подготовленная ответственным за спорт. Он пришел, чтобы вручить письмо с рекомендациями выдающихся спортсменов, которое директор попросил его написать ранее, и, заодно, составил список.

Закончив задавать вопрос, он услышал позади себя звук шагов и остановился.

Цзян Хэн не ожидал, что он задаст ему этот вопрос, поэтому улыбнулся:

— Почему ты задаешь вопросы, повернувшись ко мне спиной?

Цзян Хэн был очень близко к нему, и он намеренно сделал шаг вперед. Когда он заговорил, Шэнь Хуайчжи почувствовал, как дыхание Цзян Хэна обволакивает его затылок.

Шэнь Хуайчжи не хотел тратить много времени на переговоры у дверей кабинета, просто небрежно спросил. Соревнования касаются всего класса. Хотя Цзян Хэн только перевелся и пропустил срок подачи заявок, он всё равно имеет право участвовать.

Добавить имя в список — дело несложное.

Шэнь Хуайчжи уже готовился развернуться, когда услышал голос Цзян Хэна, окрашенный улыбкой:

— Твоя внешность настолько прекрасна, что, просто глядя на тебя, мое настроение улучшается.

Тон у него оставался слегка игривым.

Шэнь Хуайчжи замер на месте, лицо оставалось бесстрастным. Он не был новичком в ситуациях, когда омеги проявляют к нему интерес, наоборот, поклонников было много. Но никто не говорил так откровенно, как Цзян Хэн. Хотя тот и не претендовал на его внимание.

Шэнь Хуайчжи промолчал, не поддерживая разговор, начатый Цзян Хэном.

— Если не планируешь участвовать, я отнесу список.

Настроение Цзян Хэна действительно улучшилось.

Конечно, если бы собеседник согласился пообщаться лицом к лицу, рассматривая столь приятное лицо, его настроение стало бы ещё лучше. Определённо, он поверхностный человек.

Цзян Хэн задумался на мгновение и спросил:

— Есть ли спортивные мероприятия, подходящие для нежных маленьких омег вроде меня?

Тон был очень искренний, не напоминающий шутку.

Шэнь Хуайчжи:

— ?

Он почувствовал, как дернулось веко, и не стал ждать дальнейшего развития разговора, открыв дверь кабинета.

«Игнорировать собеседника — лучший выбор», — бесстрастно подумал Шэнь Хуайчжи.

***

Когда Цзян Хэн вернулся в класс, урок уже начался. После небольшого инцидента настроение существенно улучшилось, — он быстро отходил от негативных эмоций.

Он произвольно вытащил учебник из парты, положил лист белой бумаги на стол и приготовился писать объяснительную. Всего через десять минут учитель английского языка уже посмотрела на него более трех раз. Цзян Хэн откровенно отвлекался на уроке, что вызывало большее раздражение, чем сон.

Прошло ещё пять минут, прежде чем Шэнь Хуайчжи вернулся из кабинета, лицо учителя английского заметно просветлело.

— Даже учитель радуется, увидев старосту.

— Староста настолько красив, что аж сердце защемило!

— Ты сфотографировал? Ты сфотографировал? В тот момент, когда он вошел, он был таким красивым!

Чэнь Синчи, который тоже витал в облаках, тихо кашлянул: «Эта группа омег совершенно не умеет сдерживаться». Староста — недостижимый альфа, в отличие от него. Достаточно поманить пальчиком, чтобы завоевать внимание, но почему они не видят разницы?

Только когда Шэнь Хуайчжи занял своё место, учитель английского обратилась к аудитории:

— Некоторые ученики, пожалуйста, сосредоточьтесь на уроке.

Её мысль была ясна — она имела в виду Цзян Хэна, но оставила небольшую лазейку, не называя его по имени.

Но Цзян Хэн был поглощён написанием объяснительной. Он составлял документ с вдохновением, даже взгляд Шэнь Хуайчжи не помешал ему сосредоточиться, и только когда учительница потеряла терпение и назвала его по имени, он очнулся.

— Цзян Хэн, что ты так энергично пишешь?

Сидящий рядом Лу Чжоу осторожно коснулся руки Цзян Хэна. Едва дотронувшись дважды, Лу Чжоу тут же залился краской.

В отличие от обычных омег, Цзян Хэн регулярно занимается спортом, мышцы его рук были развиты умеренно, не массивные, но красивые, создающие классический образ: в одежде кажущегося худым, но обнажённым — обладателем прекрасного рельефа. Прикосновения к нему давали приятное ощущение.

Сначала Цзян Хэн взглянул на Лу Чжоу, серьезный взгляд делал его грозным, но привлекательным.

Лу Чжоу покраснел.

Цзян Хэн не обратил на это внимания, медленно вставая и честно признаваясь:

— Пишу объяснительную.

Учитель пришла в отчаяние — этот переведенец, вчера прогулявший занятия, сегодня пишет объяснительную прямо на уроке. Зачем он пришел учиться, если ставит целью испытывать учителей?

— Прочитай вслух! — заявила учительница, едва сдерживая гнев.

Цзян Хэн только собрался читать с листа, как краем глаза бросил взгляд на Шэнь Хуайчжи.

Шэнь Хуайчжи сидел прямо, как будто тоже слушал.

Цзян Хэн поразмыслил и решил импровизировать, читая объяснительную:

— Итак, я признаю свои ошибки. Как нежный маленький омега, я не должен был делать того,

что противоречит моей природе...

Сегодня он твердо решил закрепить репутацию «нежного маленького омеги».

Учитель английского: — ...?

Остальные ученики: — ...?

Шэнь Хуайчжи: — ...

Примечание автора:

Цзян Хэн: «Просто утолил тягу к разговорам».

<http://bllate.org/book/15141/1587378>